

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

на правах рукописи

РОМАН СЕРГЕЕВИЧ БЕВЗЕНКО

ВЕЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ:

ЗАЛОГ, УДЕРЖАНИЕ И ТИТУЛЬНЫЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Научный консультант:
Д.В. Дождев, профессор,
д.ю.н.

Москва, 2022

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы диссертационного исследования. Реальный кредит (то есть кредит, обеспеченный ценностью вещей должника или третьего лица) на протяжении многих столетий является одним из основных способов удовлетворения потребностей участников гражданского оборота в получении финансирования. При этом на различных исторических стадиях своего развития формы реального кредита менялись - от передачи полного господства над вещью, служащей обеспечением, до формирования представления о праве залога в отношении имущества, остающегося во владении лица, предоставившего обеспечение¹.

Современные тенденции реального кредита таковы. Во-первых, он опять стремится вернуться в, казалось бы, навсегда оставленные первоначальные правовые формы, предполагающие наделение кредитора правом полного (или близкого к полному) господства над предметом обеспечения. Во-вторых, совершенно отчетливо проявляется тенденция дематериализации (вопреки своему первоначальному названию!) предмета обеспечения реального кредита: это не только вещи (движимые или недвижимые), но и регистрируемые корпоративные и исключительные права, а также требования по обязательствам.

Три наиболее актуальные правовые проблемы, которые поставила перед теоретической юриспруденцией практика реального кредита, - это проблема акцессорности, проблема справедливости приоритета обеспеченного кредитора и развитие так называемого титульного обеспечения.

Проблема акцессорности теснейшим образом переплетается не только с доктринальными воззрениями на юридическую связь обеспеченного долга и обеспечительной конструкции - она имеет колоссальное практическое

---

¹ *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 213 и далее.

значение. Строгое проведение идеи акцессорности делает вещное обеспечение не вполне удобным (с точки зрения практики) обеспечительным инструментом. Поэтому осмысление доктрины акцессорности и выработка правильных правоприменительных подходов одновременно служит разрешению как теоретических вопросов, так и практических задач в сфере вещного обеспечения.

То же касается и проблемы справедливости приоритета, предоставляемого вещным обеспечением. Он представляет собой клубок сталкивающихся и противоборствующих интересов различных кредиторов. При этом разрешение этой головоломки представляет не только теоретический, но и практический интерес: это выливается в поиск такого регулирования порядка удовлетворения требований обеспеченного кредитора при банкротстве должника, которое бы и удовлетворяло чувство справедливости, и было при этом экономически эффективным.

Наконец, любопытнейшая тенденция в сфере вещного обеспечения, которая ждет своего исследователя, это возвышение, падение и новое возвышение способов обеспечения обязательств, основанных на использовании права собственности (или иного аналогичного права, обеспечивающего юридически максимально полное господство над неким благом). Поразительно, как замкнулся круг истории: начавшись с *fiducia* римского права, он – пройдя через разнообразные формы залогового права – вернулся фактически на исходную позицию.

Наличие этих тенденций позволяет утверждать, что, несмотря на многочисленную литературу, скажем, по залоговому праву, изучение правовых вопросов обеспечения обязательств при помощи стоимости определенного имущества, принадлежащего должнику либо третьему лицу, является по-прежнему актуальным. Причем особую актуальность оно приобретает в связи с развитием представлений об обеспечении долгов при помощи стоимости имущества как о *едином правовом институте*. В

дальнейшем тексте такое обеспечение будет именоваться *вещным обеспечением*, так как такое обеспечение имеет дело именно с вещным правом, то есть правом, описывающим юридическую связь лица и вещи.

Термин «вещное обеспечение» является в некотором смысле аллюзией к выражению *real security*, используемому в англоговорящих странах² и обозначающему, как правило, обеспечение, установленное в отношении имущества (и отсюда *real*), не относящегося к недвижимости. Однако насколько можно судить, далеко не все англоговорящие юристы склонны использовать этот термин для обозначения вещного обеспечения. Это связано с тем, что деление прав на *real* (точнее - *property*) *rights* (*rights in rem*) и *personal rights* (*rights in personam*), характерное для английского права, в общем-то, не совпадает с делением прав на обязательственные и вещные, которое проводится континентальными юристами³. Например, в авторитетной работе английского юриста *R. Calnan*'а обеспечение, установленное в отношении имущества, именуется просто *security*⁴.

Выражение *real security* зачастую используется юристами из континентальных юрисдикций, пишущих на английском языке⁵, при этом подчеркивается, что этот термин позволяет удачно противопоставить обеспечение долгов за счет стоимости определенных вещей обеспечению, устанавливаемому путем принятия третьим лицом на себя гарантирующего обязательства и именуемого термином *personal security* (не известным, кстати, юристам из стран общего права), то есть, личным обеспечением⁶.

---

² См. *Bridge M.* The English Law of Real Security // *European Review of Private Law*, 10 (4). P. 485.

³ См.: *Dixon M.* Modern Land Law. 7th ed. 2009. P. 6; *Guthrie T.* Scottish Property Law. 2nd ed. 2005. Pp. 9-10.

⁴ *Calnan R.* Taking Security. 3rd ed. 2013. Обеспечение, устанавливаемое не в отношении вещей, а в отношении лиц, автор именуется «альтернативой обеспечению» (*Ibid.* P. 407).

⁵ Напр. *van Erp J.H.M., van Vliet and L.P.W.* Real and Personal Security // *Electronic Journal of Comparative Law*. Volume 6.4. P. 115 //at <http://www.ejcl.org/64/art64-7.pdf>.

⁶ *Drobnig U.* Present and Future of Real and Personal Security // *European Review of Private Law* 5-2003. P. 625-626.

Схожей является немецкая юридическая терминология, использующая термины *Personalsicherheit* и *Realsicherheit*, обозначающие соответственно личное и вещное обеспечение⁷.

Аналогично и во французском юридическом языке принято выделять вещное и личное обеспечение: *les sûretés réelles* и *les sûretés personnelles*⁸. Любопытно, что, например, в такой необычной юрисдикции, как штат Луизиана, США (представляющей собой т.н. *mixed jurisdiction* – смесь французского права и *common law*), термины *real security* и *personal security* используются в том же значении, что и на континенте⁹. В испанском юридическом языке также имеется все та же дихотомия: *una garantía personal* противопоставляется *una garantía real*¹⁰. Такая же ситуация наблюдается и в юридическом итальянском языке (*garanzie reali e garanzie personali*)¹¹.

Кроме того, именно термином *real security* пользуются романисты, пишущие по-английски, при описании, например, римских залоговых конструкций¹².

Чуть более точно, на мой взгляд, выражаются составители научной кодификации гражданского права стран Европейского Союза (*Draft Common Frame of Reference*, далее - *DCFR*), именуя обеспечение, установленное в отношении вещей, *proprietary security*¹³. Этот термин явно тяготеет к тому, чтобы подчеркнуть, что обеспечительный эффект соответствующей

---

⁷ *Bülow P.* Recht der Kreditsicherheiten. 2012. Rn 11-13. S. 4.

⁸ *Emerich Y.* La Nature Juridique des Suretes Reeles en Droit Civil et Common Law // (2010) 44 Revue juridique Thémis 95.

⁹ *Rubin M.* Louisiana Law of Security Devices - A Précis. 2011. P. 3.

¹⁰ Напр.: *Hernández N. Torga, Guevara S. Sánchez, Mirabal A.M. Pereda.* De Roma A La Actualidad, Sistematización Doctrinal y Normativa De Las Garantías Reales // Revista Aequitas; Volumen 4 (2014) Pp. 13-50.

¹¹ *Fiorentini F.* Le garanzie personali e reali nel diritto comparato degli Stati Europei // Atti Notarili. Diritto Cominaro e Internazionale. Volume 4. Tomo 1. 783 ss.

¹² *Rabel E.* Real Securities in Roman Law // 1 Seminar Jurist 32 1943; *Goebel R.* Reconstructing the Roman Law of Real Security // 36 Tul. L. Rev. 29 1961-1962.

¹³ Напр. *Drobnig U., Börger O.* Proprietary Security in Movable Assets (PEL Prop. Sec.). Oxford, 2015. P. 205, 221.

юридической конструкции достигается либо за счет установления специальных вещных прав, улучшающих положение кредитора на случай дефолта (или банкротства) должника (*security rights*), либо за счет передачи лицом, предоставляющим обеспечение, кредитору права собственности на предмет обеспечения (*retention of ownership devices*).

При этом понятие *proprietary security*, охватывающее собой установленные с целью обеспечения вещные права в отношении имущества обеспечителя, разработчики DCFR противопоставляют понятию *personal security*, то есть обеспечению, личному обеспечению, заключающемуся в установлении обязательства третьего лица удовлетворить кредитора на случай просрочки должника¹⁴.

Последний подход – противопоставление вещного и личного обеспечения не в контексте удовлетворения из вещей/за счет обязательства обеспечителя, а в смысле наличия вещного права, имеющего обеспечительный эффект (вещное обеспечение), либо простого обязательства третьего лица, которое предоставляет кредитору дополнительные возможности по получению долга (личное обеспечение), - представляется мне наиболее точным.

Нет никаких сомнений в том, что и в случае личного обеспечения (поручительство или гарантия) кредитор также получает удовлетворение из имущества лица, предоставляющего обеспечение, а не из его личности. Последнее невозможно в связи с произошедшим несколько столетий назад принципиальным отказом западной правовой традиции от, например, обращения обязанного по обязательству лица в раба или удовлетворения кредитора из стоимости, вырученной от продажи обязанного лица в рабство. Исполнительное производство (либо процедура несостоятельности), возбужденное в отношении поручителя или гаранта, будет неизбежно предполагать, что судебный пристав лишь изымет имущество лица,

---

¹⁴ *Drobnig U. Personal Security (PEL Pers. Sec). Sellier. 2007. P. 79 etc.*

предоставившего личное обеспечение, продаст его на торгах и из вырученной суммы кредитор получит причитающееся.

Таким образом, что при вещном обеспечении, что при личном обеспечении кредитор всегда будет удовлетворяться из стоимости *имущества лица, предоставившего обеспечение*.

Однако если оценивать различие между личным и вещным обеспечением с точки зрения подхода, предложенного разработчиками DCFR, то оно становится более очевидным. Вещное обеспечение предполагает наличие у кредитора вещных прав, при помощи которых он получает желаемый обеспечительный эффект (о нем см. ниже), этими правами могут быть либо (а) залоговое право, либо (б) право собственности, установленное (переданное, сохраненное) с обеспечительной целью. Следовательно, все доктрины вещного права (следование, публичность, приоритет, возможность защиты против неограниченного круга третьих лиц и проч.) подлежат применению к такому обеспеченному кредитору в полном объеме.

Личное же обеспечение предполагает, что у кредитора имеются обязательственные притязания в отношении поведения лица, предоставившего обеспечение. И это будет означать, что отношения между кредитором и обеспечителем будут выстраиваться в соответствии с доктринами обязательственного права (строго личный характер связи кредитора и обеспечителя, отсутствие приоритета перед третьими лицами и проч.).

Исходя из этого соображения, термин *вещное обеспечение* следует понимать не в значении *имущественное* обеспечение (поручительство – тоже *имущественное* обеспечение в том смысле, который описан чуть выше), а как совокупность тех вещных прав, которые могут предоставить их обладателю обеспечительный эффект.

Как уже упоминалось, таких права два – залог и право собственности. Впрочем, мыслимо использование и иных ограниченных вещных прав в

качестве обеспечительного механизма (например, конструкции, которая в проекте реформы вещного права ГК РФ известна как право вещных выдач, близкое к германской конструкции, именуемой *Die Reallast*, § 1105 BGB). Однако в случае неисполнения обязанности по внесению выдач у лица, в чью пользу установлено обременение, возникают права залогодержателя недвижимой вещи (п. 1 ст. 305 ГК РФ в редакции проекта реформы вещного права¹⁵).

Особую актуальность понятие вещного обеспечения приобретает в связи с развитием правовых представлений о банкротстве и о положении кредитора, чьи требования обеспечены при помощи механизмов вещного обеспечения, среди иных кредиторов должника (или иного лица, предоставившего обеспечение). Должны ли все лица, выговорившие вещное обеспечение, иметь одинаковую правовую позицию? Или среди них могут быть не просто обеспеченные, но и «суперобеспеченные» кредиторы?

Изучению всех перечисленных актуальных вопросов (природа вещного обеспечения, его принципы, регулирование вещного обеспечения в банкротстве и проч.) и посвящена настоящая работа.

Степень разработанности темы. Степень разработанности вопросов залогового права в русской юридической науке весьма основательна. Это и блестящие дореволюционные монографии по вопросам залога (Д.И. Мейер, А.С. Звоницкий, Л.А. Кассо, Л.В. Гантовер и проч.), и современные исследования по вопросам залога (В.А. Белов, Б.М. Гонгало, В.В. Витрянский, Л.А. Новоселова, А.В. Егоров, Н.Ю. Рассказова, Е.А. Евдокимова). Существенно меньше внимания уделяется праву удержания (здесь можно назвать, в первую очередь, работу С.В. Сарбаша). Отечественная литература по вопросам титульного обеспечения только начинает появляться (см. работы

---

¹⁵ Проект федерального закона № 47538-6/5, ко второму чтению.

С.В. Сарбаша, А.В. Егорова, Е.А. Усмановой, С.А. Громова, П.В. Хлюстова).

При этом мне не известно ни одной работы на русском языке, в которой была бы предпринята попытка анализа всех перечисленных способов вещного обеспечения обязательства как единого правового института.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу исследования составили научные работы отечественных ученых-юристов - как дореволюционных (Л.В. Гантовер, А.С. Звоницкий, Л.А. Кассо, Д.И. Мейер), так и современных (В.А. Белов, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгалов, Д.В. Дождев, А.В. Егоров, Л.А. Новоселова, С.В. Сарбаш, Е.А. Суханов, К.И. Скловский, В.Ф. Яковлев и другие).

Кроме этого, в работе использованы литературные источники на иностранных языках (С. von Bar, Н. Beale, Р. Bülow, R. Calnan, M. Dixon, U. Drobniг, S. van Erp, E.-M. Kieninger, L. LoPuckie, L. van Vliet, Ph. Wood и др.).

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с возникновением и прекращением вещного обеспечения, а также связанные с реализацией и защитой прав обеспеченного кредитора. Предметом исследования являются нормы действующего российского законодательства и иных правопорядков, а также доктринальные воззрения ученых-юристов по проблемам вещного обеспечения.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью работы является научная разработка понятия вещного обеспечения как единого комплексного института частного права, а также изучение основных принципов его функционирования.

Задачами диссертационного исследования являются:

1) изучение места вещного обеспечения в системе способов обеспечения исполнения обязательства, а также отдельных способов обеспечения обязательств, образующих понятие вещного обеспечения;

2) разбор доктрины акцессорности вещного обеспечения применительно как к праву залога, так и к механизмам титульного обеспечения;

3) анализ приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением, а также справедливости этого приоритета по отношению к другим кредиторам лица, предоставившего обеспечение;

4) изучение проблемы связи механизмов вещного обеспечения и юридических возможностей по управлению имуществом, переданным в обеспечение, в течение периода существования обеспечительного права;

5) анализ способов придания эффекта публичности вещному обеспечению, а также последствий отсутствия публичности;

6) изучение правовых доктрин, описывающих природу и содержание права залога;

7) разбор проблем, связанных с правовой природой и механизмом права удержания;

8) анализ механизмов, образующих так называемое титульное обеспечение (обеспечительная купля-продажа, обеспечительное удержание права собственности, обеспечительная уступка, выкупной лизинг), в частности, проблем применения этих обеспечительных механизмов при банкротстве лица, предоставившего обеспечение, а также при банкротстве обеспеченного кредитора.

Методологическая база исследования. В работе использованы методы догматического, правнополитического, исторического и сравнительно-правового научного анализа. Предметом анализа стали доктринальные

взгляды ученых-юристов, нормы российского законодательства и законодательств иных правовых порядков (в том числе исторических), а также судебные акты по вопросам вещного обеспечения.

Научная новизна диссертационного исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым русскоязычным комплексным исследованием института вещного обеспечения как цельного правового феномена, обладающего своими собственными уникальными признаками, принципами и свойствами. В исследовании представлена научная концепция вещного обеспечения и детально разобраны образующие ее элементы (свойство акцессорности, приоритет, публичность и проч.).

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие положения:

1. Под вещным обеспечением следует понимать способ обеспечения исполнения обязательств, который основан на использовании вещного права (включая право собственности), позволяющего его обладателю (кредитору по обеспеченному долгу) преимущественно перед другими кредиторами присвоить стоимость вещи в случае неисполнения должником обязательства. В работе обосновывается, что научной перспективой обладает взгляд на юридическое понятие вещного обеспечения, предполагающий единство правового института, охватывающего залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции (обеспечительная передача и удержание права собственности, факторинг, лизинг).

2. Свойство акцессорности, присущее вещному обеспечению, характеризует юридическую связь между обеспеченным требованием и субъективным обеспечительным правом и проявляется на всех возможных этапах существования требования (возникновение, изменение, уступка, принудительная реализация, прекращение). В работе доказывается, что акцессорность является свойством не только залога, но и титульных

обеспечительных конструкций. Исторический и сравнительно-правовой анализ свидетельствует о тенденциях ослабления принципа акцессорности вещного обеспечения. Это проявляется в возможности создания обеспечительных прав до возникновения обеспеченного долга, возможности ограничения права обеспечителя на выдвижение возражений, основанных на отношениях кредитора и должника, возможности продолжения существования обеспечения после прекращения обеспеченного долга и в некоторых других случаях. Однако полный отказ от свойства акцессорности вещного обеспечения вряд ли возможен, так как он будет противоречить экономическому назначению обеспечения.

3. Главная задача вещного обеспечения заключается в улучшении положения кредитора на случай банкротства должника путем наделения кредитора приоритетным правом удовлетворения из стоимости предмета обеспечения. Этот приоритет может быть ограничен определенной частью стоимостью имущества, являющегося предметом обеспечения, а может быть полным, то есть, позволяющим кредитору присвоить всю стоимость предмета обеспечения.

4. В работе обосновывается, что выбор модели приоритета осуществляется в зависимости от правнополитических соображений, которые, в свою очередь, основываются на экономических, этических, моральных установках. Этически оправданное стремление законодателя предоставить повышенную защиту требованиям о возмещении вреда, причиненного здоровью, приводит к тому, что приоритет требования залогодержателя ограничивается в пользу кредиторов по деликтным требованиям такого рода. В работе проанализировано столкновение кредитора, имеющего вещное обеспечение, с различными группами необеспеченных кредиторов (добровольных и недобровольных) и сделан вывод о том, что приоритет вещного обеспечения над требованием недобровольного кредитора, чье требование возникло после установления вещного обеспечения, является

несправедливым и потому должен исключаться законодателем.

5. Последствием установления вещного обеспечения является возможность обеспеченного кредитора оказывать влияние той или иной интенсивности на управление имуществом, переданным в обеспечение. В связи с этим в работе проанализирована зависимость типа вещного обеспечения и «управленческих возможностей» обеспеченного кредитора. Доказано, что в случае если в рамках вещной обеспечительной конструкции кредитор обладает обеспечительным правом, заключающимся исключительно либо в значительной степени в праве присвоить ценность имущества, служащего обеспечением, и не имеет при этом возможности вести дела, связанные с этим имуществом, он фактически свободен от любых рисков, связанных с гибелью, повреждением либо любым иным ухудшением имущества. По мере «разбавления» строго обеспечительного права «управленческим элементом», выражающимся либо в передаче владения предметом обеспечения, либо в передаче права собственности (или иного права, обеспечивающее юридическое господство) на имущество кредитору, одновременно с ростом «управленческого потенциала» кредитора резко вырастает и его ответственность перед лицом, предоставившим обеспечение. В целом такая закономерность представляется оправданной.

6. В работе доказано, что использование механизма вещного обеспечения также может оцениваться под углом защиты имущественной массы лица, предоставившего обеспечение, в интересах необеспеченных кредиторов. Это проявляется в том, что вещное обеспечение блокирует свободное распоряжение предметом обеспечения. Следовательно, в распоряжение необеспеченных кредиторов поступит сумма, составляющая превышение стоимости предмета обеспечения над суммой обеспеченного долга. Кроме того, при банкротстве лица, предоставившего обеспечение, часть вырученной от продажи предмета обеспечения денежной суммы также поступает необеспеченным кредиторам. Это соображение является

дополнительным аргументом в пользу приоритета, предоставляемого вещным обеспечением.

7. Арест имущества должника по требованию кредитора должен рассматриваться не просто как юридический механизм, аналогичный залого, а квалифицироваться как наделение такого кредитора полноценным обеспечительным правом в отношении имущества должника. Объяснение приоритета кредитора, в чью пользу установлен арестный залог, включает в себя догматические, теоретические и экономические соображения. Арестный залог представляет собой ситуацию, в которой ценность какого-либо имущества должника назначается (судом, приставом) ответственным по конкретному долгу. Такая юридическая связь требования кредитора и арестованного для целей его удовлетворения имущества не может не порождать приоритет. Кроме того, наличие ареста, обеспечивающего приоритет, защищает интересы иных кредиторов должника, не добившихся ареста (через ограничение распоряжения имуществом, наличие возможного излишка, применение залоговых квот). Наконец, арестный залог, снабженный приоритетом, дестимулирует кредитора настаивать на банкротстве должника и принудительной продаже его имущества.

8. В связи с тем, что в основе вещного обеспечения лежат вещные права на имущество (или аналогичные им права, обеспечивающие господство над нематериальными благами – бездокументарными ценными бумагами, долями участия в обществах с ограниченной ответственностью), противопоставимые третьим лицам, задачей правопорядка является обеспечение публичности таких прав. Она достигается либо за счет передачи предмета обеспечения во владение кредитора, либо наложением знаков об обеспечительном праве, а также правоподтверждающей и правоустанавливающей регистрацией обеспечительных прав. Это касается не только залога, но и титульных обеспечительных конструкций. В работе доказывается, что отсутствие публичности обеспечения должно сказываться

на положении не только новых собственников или залогодержателей имущества, служащего обеспечением, но также и необеспеченных кредиторов - в последнем случае у кредитора, обладающего вещным обеспечением, приоритет должен отсутствовать.

9. В работе доказано, что наиболее адекватной теорией, объясняющей природу залога, является стоимостная теория, которая признает содержанием залогового права право присвоения ценности заложенного имущества. Это право является вещным, так как оно не только следует за заложенной вещью и его защита обеспечена вещными исками, но и наделяет его обладателя правом своим волеизъявлением определять юридическую судьбу стоимости предмета залога в процедурах реализации предмета залога. Взгляд на право залога как на право присвоения ценности вещи позволяет справедливо разрешать многочисленные казусы в сфере залогового права. Кроме того, он догматически объясняет залоговый приоритет, феномен вещной суброгации (иначе называемой принципом эластичности залога), природу сделок с залоговым старшинством, добросовестное приобретение залогового права и многое другое. Иные подходы к природе права залогодержателя (в первую очередь, рассматривающий его как права на действия залогодателя) удовлетворительных решений дать не могут. Наконец, взгляд на право залога как на право присвоения ценности заложенного имущества позволяет примирить квалификацию залога как вещного права с возможностью установления залога в отношении нематериальных объектов (требований, корпоративных прав, исключительных прав).

10. В работе анализируются проблемы правового положения ретентора и, в частности, проблема приоритета требования, обеспечиваемого удержанием. Доказывается, что модель удержания, принятая в действующем российском гражданском законодательстве (так называемое «экзекутивное удержание», предполагающее совершение ретентором действий по обращению взыскания на предмет удержания по правилам о залоге и

противостоящее «дефензивному удержанию», не предполагающему права продажи предмета удержания ретентором), неизбежно приводит к выводу о необходимости наделения требования ретентора таким же приоритетом, каким пользуется и требование залогодержателя при банкротстве залогодателя.

11. В работе обосновывается, почему требование ретентора должно пользоваться приоритетом по отношению к требованиям других кредиторов. Это объясняется как догматически (ретентор правомерно владеет предметом обеспечения, а значит его позиция в отношении вещи не может не быть более сильной, чем позиция невладеющих кредиторов), так и экономически (в отсутствие приоритета лица, оказывающие собственникам услуги, связанные с улучшением принадлежащих им вещей, стимулируются к тому, чтобы требовать от контрагентов авансирование; следовательно, доступность такого рода услуг будет ниже, так как возможности по авансированию имеются не у всех потенциальных потребителей такого рода услуг).

12. В работе с исторических и сравнительно-правовых позиций анализируются причины появления титульных обеспечительных конструкций как альтернативы залогу. Делается вывод о том, что этими причинами могут являться архаичность требований к установлению залогового права (например, необходимость передачи предмета залога во владение залогодержателя), неудобство регулирования залоговых процедур, неудовлетворяющее кредиторов законодательство о банкротстве, а также особенности регулирования налогового законодательства. Для современного российского права основными причинами появления и распространения титульного обеспечения стали последние три (особенности налогового регулирования особенно заметно сказались на росте популярности лизинга). При этом в работе доказывается, что отрицание возможности существования титульного обеспечения исключительно из-за наличия в действующем российском правопорядке залога является ошибкой. Многообразие

юридических форм, позволяющих достигать одних и тех же экономических целей, является особенностью и достоинством развитого гражданского права, предлагающего участникам оборота различные правовой инструментариий для решения экономических задач. При этом задачей законодателя является недопущение обхода императивных норм залогового законодательства при помощи титульных обеспечительных конструкций. К числу таких императивных правил относятся, в первую очередь, положения о залоговом излишке (*superfluum*), защите интересов граждан при использовании в качестве обеспечения своих обязательств единственного жилья и о соотношении требований обеспеченного кредитора и необеспеченных кредиторов при банкротстве лица, предоставившего обеспечение.

13. В работе проанализированы особенности применения доктрины акцессорности к отдельным видам титульного обеспечения и сделан вывод о том, что все элементы классического учения об акцессорности могут быть обнаружены и в титульном обеспечении. В первую очередь это касается т.н. «акцессорности объема» (то есть ограничения возможности удовлетворения требования за счет стоимости обеспечения суммой обеспеченного долга): в некоторых случаях это достигается за счет законодательных предписаний (факторинг), в некоторых случаях – за счет судебной практики (выкупной лизинг). В других же случаях, как это доказывается в работе, достижение эффекта акцессорности объема возможно за счет применения к отношениям обеспеченного кредитора и лица, предоставившего обеспечение, правил о неосновательном обогащении. Другое важное проявление акцессорности – акцессорность прекращения – проявится в титульных обеспечительных конструкциях при применении нормы п. 4 ст. 329 ГК РФ, устанавливающей общее правило о прекращении всякого обеспечения при прекращении обеспеченного долга.

14. В работе доказывается, что титульное обеспечение в банкротстве лица, предоставившего обеспечение, по общему правилу должно работать так

же, как и залог. Однако если правнopolитические соображения будут требовать предоставления преимущества тем или иным группам кредиторов, выговаривающих в свою пользу титульное обеспечение, законодатель может наделять соответствующих кредиторов суперприоритетом в отношении объема обязательства, позволяющим полностью присваивать стоимость имущества, переданного в титульное обеспечение. Например, чтобы защитить имущественные интересы производителей дорогостоящего оборудования (и тем самым стимулировать их к предоставлению покупателям отсрочек и рассрочек по платежам), законодатель может установить, что такое титульное обеспечение, как оговорка об удержании права собственности с обеспечительной целью, будет наделять кредитора правом изъятия предмета обеспечения из конкурсной массы покупателя без выплаты части стоимости вещи в конкурсную массу покупателя. Однако исходной посылкой, как доказывается в работе, должно быть равное положение всех кредиторов, имеющих вещное обеспечение.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в формулировании цельной и непротиворечивой доктрины вещного обеспечения, основные постулаты которой способны служить методологической базой для разрешения отдельных доктринальных вопросов залогового права, права удержания, титульного обеспечения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разрешении судебных споров, анализе практических ситуаций, связанных с предоставлением имущества в качестве вещного обеспечения, при законотворчестве.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Все выводы, содержащиеся в исследовании, были сформулированы и опубликованы в монографиях 2008-2021 годов и журнальных публикациях в ведущих юридических журналах (2003-2021

годы), обсуждены на научных конференциях. Результаты исследований в сфере вещного обеспечения были использованы в ходе работы по анализу и обобщению практики рассмотрения коммерческих споров, связанных с обеспечением (разъяснения ВАС РФ в сфере залога и выкупного лизинга), а также при работе над реформой российского залогового права (Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ).

Структура работы. Исходя из того, что обеспечительный эффект может быть достигнут за счет использования двух видов прав (залог и право собственности или аналогичное право, обеспечивающее господство над имуществом), все изложение материала, составляющего право вещного обеспечения, будет подчинено следующей логике.

В первую очередь в работе анализируются вопросы как общего понятия обеспечения, так и вещного обеспечения в частности, к которым отнесены проблемы (а) акцессорности обеспечения, (б) обеспечительного приоритета, (в) эффекта управления предметом обеспечения, возникающего при установлении вещного обеспечения, (г) публичности обеспечения.

Далее разбираются вопросы залогового права, с особым акцентом на проблематику залога именно как вещного права. Далее разбираются отдельные проблемы удержания как специфической юридической конструкции, порождающей обеспечительный эффект. И затем изучаются вопросы так называемого титульного обеспечения, то есть случаев использования права собственности для достижения обеспечительного эффекта. Как представляется, в целом современное российское право сегодня предоставляет достаточное количество эмпирического материала для анализа не только залога (как хорошо известной юридической конструкции), но и титульного обеспечения. Здесь можно упомянуть известные нашему Гражданскому кодексу (а) удержание титула и (б) обеспечительную уступку; активно развивающийся (в) выкупной лизинг, все чаще встречающийся на практике (г) обеспечительную куплю-продажу. Представляется, что, несмотря

на кажущиеся внешние различия, все упомянутые конструкции (обозначенные разработчиками DCFR как *retention of ownership devices*) имеют довольно много общего, в первую очередь они резко улучшают положение кредитора, выговорившего в свою пользу такой «девайс», особенно на случай банкротства лица, предоставившего обеспечение. Попытке найти это общее и будет посвящена соответствующая глава.

В заключении формулируются выводы, сделанные в ходе исследования института вещного обеспечения.